

Глава 18. Защитник демонического мира

«Чаша Жуи из персикового дерева... до чего знакомое название. Кажется, я где-то его уже слышал»

— 001?

К его удивлению, Система не ответила.

«Неужели существует артефакт, способный блокировать связь с ней? — Цин Чаньюй нахмурился. — Такого ещё не случилось»

Обычно артефакты, погружающие в иллюзии, создают прекрасные видения, чтобы заманить заклинателя в ловушку. Но мужчина оказался в крошечной тьме, где мог видеть лишь самого себя.

Он пошёл вперёд, позволяя темноте окутать его тело.

Внезапно он почувствовал, что за что-то зацепился. Опустив взгляд, Бессмертный Владыка увидел алую нить, обвившую его лодыжку. Он не мог ни освободиться от неё, ни разорвать её — оставалось лишь тащить за собой.

Он сделал ещё шаг, и другая нить опутала вторую ногу. Цин Чаньюй остановился, но алых пут вокруг него становилось только больше. Они обвивали его запястья, шею, талию и живот. Нити тянулись со всех сторон, но сколько бы он ни дёргал, на другом конце ничего не было.

Следуя за самой яркой из них, что тянулась к его левой руке, мужчина побрёл вперёд. На её конце висела маленькая деревянная табличка с надписью:

«В этой жизни не предаю, судьбою предрешено;

Одинок я и покинут, молю о твоей милости».

Он повернул направо. Там красная нить тянулась из корешка книги. На открытой странице было начертано:

«Не прошу умереть вместе, лишь бы жить рядом;

Ты был благороден, но алчность губит людей».

Похоже, у каждой нити была своя история.

Цин Чаньюй поднёс одну из них к глазам и присмотрелся. Это были не просто шнуры, а плотные потоки мельчайших, струящихся рун.

«Это... нити причинно-следственной связи»

Но он был всего лишь пришельцем, исполнителем задания. Откуда на нём столько этих нитей?

Мужчина опустил взгляд на свою грудь. Оттуда, из области сердца, тоже тянулась нить, тёмная, словно пропитанная кровью.

Он пошёл прямо по её направлению.

В конце пути он замер.

Перед ним висел в воздухе человек, связанный с ним одной нитью. Всё его тело было опутано бесчисленными алыми шнурами, сплетёнными в паутину, словно он был добычей паука.

Тёмные волосы незнакомца были растрёпаны, руки и ноги кровоточили. Когда он поднял голову, его лицо оказалось размытым и нечётким. Лишь глаза феникса, лишённые блеска, тускло смотрели вперёд.

Под ним виднелась надпись чёрными иероглифами:

«Сам себя заточил, желая умереть, но вновь живя.

■■■■, ■■■■».

Эти восемь иероглифов отличались от тех, что он видел ранее. Цин Чаньюй коснулся их и понял, что это не чернила, а засохшая кровь.

Кончики его пальцев похолодели, в голове раздался гулкий взрыв.

«Этот почерк... мой собственный. А этот человек... это я сам»

«Почему я ничего не помню? Где я нахожусь?»

[Чаньюй?]

[Чаньюй!]

Раздался зов 001.

В тот же миг одежда на заклинателе изменилась. Вместо лазурного одеяния на нём снова было роскошное, изысканное белое платье, которое он носил, будучи Бессмертным Владыкой.

Окружение тоже начало меняться. Красные нити, сковывавшие его, исчезли, и он оказался в обычной иллюзии — прекрасные пейзажи и прекрасные девы, картины былого величия, призванные очаровать и удержать жертву.

[Чанъюй, что с тобой?] — раздался голос 001.

Похоже, до этого даже она не могла с ним связаться.

— Ничего, — ответил Цин Чанъюй, опуская глаза и скрывая свои мысли. — Так это и есть иллюзия Чаши Жуи?

[Да]

«Значит, то, что я видел в темноте, не было создано этим артефактом. Что же это тогда было?»

Не успел он оправиться от мимолётного ужаса, как в иллюзии появились люди с расплывчатыми лицами — призраки прошлого, с улыбками желавшие поговорить о былых днях.

Но разговоры о прошлом его не интересовали.

Цин Чанъюй поднял руку и сложил пальцы в печать меча.

[Это иллюзия внутри Чаши Жуи, — сказала 001. — Другие артефакты сюда не проникнут]

— А кто сказал, что я хочу, чтобы он проник внутрь? — отозвался он.

[Тогда что ты...]

Громкий треск прервал голос Системы. Ледяной, как снег, луч меча рассёк небо иллюзии.

Цин Чанъюй усмехнулся.

— Я просто велел ему разрубить иллюзию снаружи.

Ши Сюэ мог пробить даже барьер между мирами. Что ему какая-то Чаша Жуи?

Если Цин Чаньюй пожелает, он станет самым острым клинком в мире, способным разрубить всё что угодно.

Пока иллюзия распадалась, он смотрел на рушащееся небо, и его взгляд становился всё холоднее.

«Что же этот мир скрывает от меня?»

Стоцветные лисы из Чу дрожали, распластавшись на земле перед незванным гостем.

Мужской голос, низкий и холодный, как скрежет металла, заставил их похолодеть до костей:

— Кто позволил вам использовать это лицо?

Невидимое давление, ледяное, как иней, обрушилось на каждого из них.

Призраки лис, израненные и покалеченные, покорно склонили головы.

— Владыка Защитник, мы больше не посмеем...

Их души были искалечены, разум помутнён, а нрав — дик и необуздан. Но сейчас они, как один, послушно пали ниц перед сокровищницей, преграждая к ней путь.

Словно... что-то скрывали.

За их спинами были кладовые стоцветных лис.

Неужели эти ободранные, обезумевшие призраки всё ещё могли желать каких-то земных сокровищ?

В углу двое лисов украдкой подняли фиолетово-золотую чашу и деревянную палку. Их пушистые лапы замерли в нерешительности.

Чаша Жуи из персикового дерева могла погрузить любого в иллюзорный сон.

— И-и-и!

За миг до удара обоих лисов невидимой силой втянуло в воздух, и их шеи оказались в руке юноши.

Даже будучи призраками, они ощутили леденящий ужас удушья.

Ведь перед ними был единственный Защитник демонического мира, безжалостный убийца, известный как Слива-Демон.

Его волосы были белы как снег, и когда он убивал, кровь врагов брызгала на них, подобно цветам красной сливы. Отсюда и его прозвище.

Трон Владыки демонов пустовал уже сотню лет, и этот Защитник был ничем не хуже самого Владыки.

Взгляд юноши был прикован к дверям сокровищницы. На его губах появилась леденящая усмешка.

Изначально он пришёл сюда лишь для того, чтобы разобраться с дикими лисами, посмевшими присвоить его облик. Но теперь ему стало любопытно, что же они задумали.

Он взмахнул рукой, и лисы, преграждавшие путь, разлетелись, словно мыльные пузыри. Двери сокровищницы с грохотом распахнулись.

Золото и драгоценности сияли собственным светом. Порыв ветра, ворвавшийся внутрь, сбросил на пол несколько золотых монет, которые упали с тихим звоном.

На горе сокровищ лежал сложный, богато сотканный меховой ковёр. С его края свисали длинные, блестящие, как смоль, волосы.

Белоснежная рука покоилась на зелёном турмалине. Изящное запястье с тонкими, чётко очерченными костями приподнялось, когда её обладатель начал вставать.

Красавец поднимался, подобно цветку эфемериума, распускающемуся в ночи. Зрелище было столь прекрасным и столь пугающим, что казалось, будто такой красоты не должно существовать в этом мире.

Цин Чаньюй окинул взглядом царивший у входа хаос и приподнял бровь.

— Ого... как оживлённо.

Кажется, он проснулся как раз вовремя.

Он почувствовал на себе чей-то незнакомый взгляд — тяжёлый и обжигающий.

Мужчина прищурился, вычисляя его источник.

Это был причудливо одетый юноша. Белые волосы, глаза цвета индиго, перевязанные длинной алой лентой. Он был точь-в-точь как стереотипный представитель пёстрого племени демонов. Одна половина его лица была скрыта, а единственный видимый глаз неотрывно смотрел на Цин Чанъюя.

Кто он такой? Судя по реакции лисов, фигура важная. Цин Чанъюй никогда его не видел. Должно быть, тот появился за последние пятьдесят лет.

— Юный друг, — обратился к нему Цин Чанъюй, — не согласишься ли уступить этих лис мне?

Тот попытался улыбнуться, но его лицо исказила жуткая гримаса, словно он был неумелым убийцей, случайно порезавшим себе лицевой нерв.

— Владыка Защитник не говорит на языке Восточных земель! — выкрикнул один из лисов, прячась за колонной.

Восточными землями называли владения людей-заклинателей, и их язык был общепринятым во всём мире. В наше время людей, не знавших его, можно было пересчитать по пальцам. Древние языки демонов и чудовищ, напротив, встречались всё реже. Даже эти призраки говорили между собой на языке Восточных земель.

Неужели этот юноша-демон был одним из тех гордых и высокомерных консерваторов?

Бам!

Двери захлопнулись. Призраки лис, толпившиеся у входа, уткнулись носами в пыль и лишь тихонько заскулили.

Юноша вошёл внутрь и, подняв голову, посмотрел на Цин Чанъюя.

И на языке Восточных земель произнёс:

— Чан... Чанъюй.

Затем он указал на свою грудь.

— Пэй Су.

«Пэй Су?»

Цин Чаньюй приоткрыл рот, беззвучно повторяя это имя.

Демон из Западных земель с именем в стиле Востока? Любопытно. Разве их знать не презирала людей?

Имя ему ничего не говорило. Впрочем, в этом мире было слишком много тех, кто знал его в одностороннем порядке.

Заклинатель перешёл на язык демонов:

— Пэй Су? Мы знакомы?

Юноша подошёл ближе и прижался головой к его ноге, свисавшей с горы сокровищ. На языке демонов его голос звучал на удивление мелодично, без прежней скованности.

— Бессмертный Владыка, — его единственный видимый глаз согнулся в улыбке, а взгляд стал томным и жалким, — я ведь наложник, которого вы взрастили в прошлой жизни...

Если бы призраки лис снаружи увидели его таким, они бы, наверное, умерли от страха на месте. Убийца должен оставаться убийцей. Что за манеры — отбирать у них лисьи повадки!

«...Наложник?»

Цин Чаньюй окинул юношу оценивающим взглядом с головы до ног. Пятьдесят лет назад этот демон был, наверное, меньше его ботинка.

— Что за чушь ты несёшь, мальчишка, — он усмехнулся и похлопал собеседника по щеке. — Твой дедушка Цин таким не интересуется. Проваливай, пока не остыл.

<http://bllate.org/book/16005/1571425>